

ГЛАВА 1

Болгария, Враца, июль 1944 года

Шел пятый год войны. Войны, которая началась «политикой умиротворения» агрессора, а вылилась в противостояние таких масштабов, которого еще не видело человечество. Шестьдесят два независимых государства оказались вовлечены в конфликт двух мировых военно-политических коалиций, стран нацистского блока и антигитлеровской коалиции. Почти восемьдесят процентов населения земного шара! Боевые действия охватили территории Азии, Африки, Европы и даже воды всех океанов. Не избежала этой участи и Болгария.

Первого сентября 1939 года вооруженные силы Германии перешли границы Польши. Поводом послужил захват помещения радиостанции в городе Глайвице. Мировой общественности было объявлено, что радиостанция захвачена поляками, но в это мало кто верил, и небезосновательно, так как провокационную операцию произвели солдаты СС, переодетые в польскую военную форму. В боевых действиях приняли

участие войска Словакии, что спровоцировало объявление им войны со стороны Англии, Франции и других стран, у которых перед Польшей были союзнические обязательства. А дальше покатилося, как снежный ком: войну Германии объявили Австралия и Новая Зеландия, Канада, Ньюфаундленд, Южно-Африканский Союз, Непал...

В 1940-м Германия вторгается в Данию и Норвегию. Далее идут Бельгия, Нидерланды, Люксембург. Воодушевленная победами немецкая армия через Арденны устремляется на Запад, и французы оказываются не в состоянии ее сдержать. Десятого июня войну Великобритании и Франции объявляет Италия. После идут британские колонии — Кения, Судан и Египет. Германия укрепляет свои позиции, привлекая к коалиции «оси» Венгрию, Румынию, Словакию, а позднее, в 1941-м, Финляндию, Испанию и Болгарию. А меньше чем через год Германия объявляет войну СССР.

Для Болгарии это значило, что обязательства, принятые с подписанием Пакта трех держав (Германии, Италии и Японии), придется выполнять. В результате участия во вторжении в Югославию и Грецию Болгария получила земли Восточной Сербии, большей части Македонии и побережья Эгейского моря. Но в нагрузку ей досталась прогерманская и нацистская пропаганда, военизиро-

ванные германские формирования по всей территории Болгарии, обязательство выплаты долга Югославии перед нацистской Германией и обуза расходов на содержание немецких войск, расположенных на болгарской территории.

Одно хорошо: фактического участия в войне Германии против СССР Болгарии удалось избежать. Болгары и так позволили нацистской Германии слишком много. В портах Варны и Бургаса разместились германские боевые корабли; представительства «Абвершталле», шпионской резидентуры абвера, действовали по всей Болгарии под видом работников торговых фирм; мнимые «болгарские метеорологические станции» работали как центры радиоперехвата; на болгарских аэродромах хозяйничали советники люфтваффе, подготавливая их к принятию немецких самолетов. А еще наведение моста через Дунай, строительство новых аэродромов, размещение 12-й немецкой армии и подразделения 8-го авиакорпуса люфтваффе, открытие специальной немецкой транспортной службы в количестве 24 объектов транспортной инфраструктуры, взятых под охрану немецкими охранными командами. И это только малая часть того, чем, по сути, завладели нацистские войска в Болгарии.

И от Германии, и от Италии Болгария получала вооружение. Это 11 трофейных югославских бомбардировщиков «Do-17Kb-1», 40 трофейных фран-

цузских танков «R-35», 100 армейских грузовиков FIAT 626 и многое другое. Но какова цена? Дипломатические отношения рвались быстрее, чем паутина под безжалостной рукой чистоплотной хозяйки. Болгария находилась в состоянии войны с Югославией и Грецией, проводила оккупационные действия в Македонии, Поморавии и Западной Фракии. После объявления Германией войны США войну Болгарии объявили Канада, Австралия и Новая Зеландия, а позднее Великобритания и США. Болгарии ничего не оставалось делать, как уступить германским требованиям и объявить войну США и Великобритании. «Воюем все и со всеми» — казалось, таков был девиз 40-х годов.

В 1941-м, как только Германия вступила в войну с СССР, коммунистическая партия Болгарии организовала движение Сопротивления. В него вошли не только болгарские коммунисты, но и их единомышленники. Все те, кто не мог равнодушно смотреть на то, как нацистская Германия разрушает мир. В задачи Сопротивления входило ослабление нацистской Германии всеми возможными способами.

Партизанские отряды вели бои с подразделениями болгарской полиции, уничтожали продукцию, предназначенную для вывоза в нацистскую Германию, разрушали железные дороги и военные коммуникации. Боевые группы Болгарской коммунистической партии (БКП) организовыва-

ли диверсии и акты саботажа на военных заводах, уничтожали гитлеровцев и их болгарских пособников. Активисты-подпольщики занимались разведывательной деятельностью, служили связными и курьерами. Сторонники и сочувствующие из местного населения, которых называли «ятаки», по мере сил оказывали помощь участникам движения Сопротивления.

Болгарское правительство, армия и нацистские службы охраны пытались подавить Сопротивление: они производили аресты и суды над теми, кто не желал подчиняться власти, уничтожали целые отряды, запугивали местное население, устраивая «показательные казни». Но движение Сопротивления разрасталось, количество сочувствующих росло, к апрелю 1943-го территория Болгарии насчитывала 12 партизанских оперативных зон, действиями которых руководил Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии.

И все же, несмотря ни на что, жизнь в болгарских городах, городках и селах шла своим чередом. Люди продолжали ходить на работу, заниматься бытом, строить планы на будущее, любить и ненавидеть.

* * *

Молодой человек крепкого телосложения зашел в пивную на окраине города. Осмотрелся. Посетителей немного. За одним столом сидели

два изрядно подвыпивших бородача лет по пятьдесят, в углу за столиком собралась компания из трех, явно сельских мужиков, выбравшихся в город по каким-то делам. Парень сел за свободный столик у окна, чтобы была видна улица. Заказал кружку пива «Каменица» и закурил папиросу. На почти пустой улице идущего бодрым шагом Демитра заметил издалека.

— Ваше пиво, — с улыбкой сказала официантка, миловидная болгарка лет тридцати.

— Спасибо! — Парень улыбнулся в ответ. — Еще одну организуете? Приятель уже подходит.

— Сейчас принесу. — Официантка сделала отметку в блокноте.

Иван отхлебнул пару глотков пенящегося напитка. Официантка вернулась с кружкой пива на подносе.

— Для вашего приятеля.

— Знатное пиво, — похвалил посетитель.

— «Каменица» — лучший сорт. У вас отменный вкус. — Официантка вновь улыбнулась. — Еще что-то?

— Пока все.

Демитр вошел в пивную, отыскивал глазами приятеля.

— Добрый день, Иван, — поздоровался он, подходя к столику.

— Добрый, Демитр. Угощайся.

— Шикуюешь?

— Есть немного.

Демитр сел, сделал большой глоток пива из пододвинутой к нему приятелем кружки.

— Как наши дела? — спросил Иван.

— Отлично.

— Вот и хорошо. У меня тоже отлично. А вон и Никола идет, — взглянув в окно, добавил Иван.

— Один? — В голосе Демитра проскользнуло беспокойство.

Иван кивнул и подал знак официантке.

— Еще кружечку «Каменицы», пожалуйста.

— Сейчас принесу, — ответила официантка.

В пивную вошел худощавый парень, посмотрел по сторонам. Увидев Ивана и Демитра, поднял в знак приветствия руку. Демитр нахмурился, Иван же помахал в ответ. Тот, кого называли Николой, неспешным шагом прошел к столу.

— Приветствую вас, други! — театрально произнес он.

— Присаживайся, — предложил Иван, не обращая внимания на пафосность речи Николы. — Пиво сейчас принесут.

— Откуда такая уверенность, что я стану пить?

— Так ведь это твоя любимая «Каменица».

А она жутко вкусная, — рассмеялся Иван.

— И жутко дорогая, — добавил Никола, занимая свободный стул.

— Ваш заказ. — Официантка поставила кружку на столик. — Приятно посидеть.

— Задание выполнил? — обратился Иван к Николе, как только официантка отошла на некоторое расстояние.

— Выполнил, — ответил Никола, хотел что-то добавить, но Демитр едва заметно покачал головой, предупреждая: не здесь!

Дальше разговор пошел о погоде, о жаре, о холодном пиве. Допив напиток, встали. Никола потянулся к нагрудному карману, но Иван его остановил.

— Угощал я, значит, и платить мне, — заявил он, достал из кармана брюк увесистую пачку болгарских левов вперемешку с немецкими рейхсмарками, расплатился, и все вышли на улицу.

— Я вижу, ты к дяде заходил? — Никола укоризненно покачал головой. — Балует он тебя деньгами.

— Я же у него единственный племянник. Всю жизнь бобылем живет, своих детей нет, кого еще ему баловать? — Иван довольно улыбнулся. — Вчера к нему заглянул, решил порадовать старика.

— Порадовать его или себя? — Вопрос Николе остался без ответа.

Тема взаимоотношений Ивана с семьей была большим вопросом среди друзей. Семья Ивана всегда имела достаток. При любой власти и при любых государственных катаклизмах одно в семье оставалось неизменным: внушительный капитал

и лояльное отношение к власти. Мать Ивана происходила из семьи коммерсантов, а родственники его отца, ныне покойного, занимали высокие посты в государственных структурах, и не только на городском уровне. Иван вырос в неге и достатке, его представления о социальном неравенстве начали формироваться лишь в годы учебы в Софийском университете политических и хозяйственных наук, где он и познакомился с Николой. Друг вложил в голову Ивана то, что определило его дальнейший жизненный путь — служение стране. Потому его так расстраивало, что Иван никак не желал избавляться от привычки к роскоши и достатку.

— Когда-нибудь любовь к деньгам тебя погубит, — не дождавшись ответа, предостерег Никола друга. — И пользы для дела точно не принесет.

— Брось, Никола, я не пацан сопливый, чтобы мне нотации читать. И делу нашему предан не меньше тебя. Что плохого в том, что у меня денег больше, чем у других?

— Ну, все! Закончили базар, — оборвал спор Демитр и увлек приятелей в сторону от пивной. — Нам есть что обсудить, а времени мало.

Время действительно утекало катастрофически быстро. Три дня назад партизанский отряд, в который входили друзья, выполнял диверсионное задание. В ходе этого задания им в руки попал документ, в котором говорилось

о том, что правительство Болгарии приняло решение об использовании войск против партизан. Документ был подписан 23 июля, крупные наступательные операции было запланировано начать в августе 1944-го. Доложили командиру отряда, в тот же день командир снарядил гонцов, чтобы успеть предупредить о документе все подразделения, входящие в движение Сопротивления. С сообщением не тянули, выдвинулись сразу, но все равно потратили времени больше, чем планировали. Теперь друзьям предстояло оценить результат проделанной работы и возможность возвращения в отряд. Старшим был назначен Демитр, поэтому он и принимал отчет.

— Никола, на тебе были партизанские отряды, сколько отрядов удалось обойти?

— Северо-западный и юго-западный сектора полностью, северо-восточный из восьми отрядов попал в пять, остальным шифровку передадут связные отряда Петкова. В юго-восточный сектор сейчас не пробраться. После того как в январе этого года правительство Болгарии приняло закон о создании жандармерии, контактировать с этим сектором с каждым месяцем становится все сложнее.

— Жандармы лютуют? — Вопрос Демитра не требовал ответа, все участники разговора и так его знали, но Никола все же ответил.

— В отряде Петкова кое-что рассказали. На этой неделе жандармерия устроила чистку по всему юго-восточному сектору. Шестнадцать стычек, два десятка погибших и раненых. Со стороны нацистских прихвостней тоже есть потери, но разве тем, кто потерял близких, от этого легче?

— Выходит, информация до них не дойдет? — Демитра новость обеспокоила.

— Должна прийти. Посидели с Петковым, прикинули, выбрали кандидатов в связные. Они пойдут сегодня в ночь сразу в четыре отряда. А тем будет дано задание предупредить остальных.

— А если не получится?

— Кто-то да дойдет, — уверенно произнес Никола. — Слишком много поставлено на карту.

— Хорошо, будем считать, что по партизанским отрядам задача выполнена. — Демитр обратился к Ивану: — Как обстоят дела с ятаками?¹

— Пришлось попотеть, тысяч десять километров отмахал. Но с задачей справился. София и область предупреждение получили из первых рук. В Пловдив и Варну отправились связные. Все будут наготове, и как только запахнет жареным или появится новая информация, мы узнаем об этом первыми.

¹ Я т а к (болг.) — участник антифашистского движения Сопротивления в Болгарии в годы Второй мировой войны.

— Отлично, Иван, — похвалил Демитр. — С боевыми группами БКП тоже отработано. Я связался с подпольщиками, передал сообщение, они направили связных в каждую боевую группу. Итак, подытожим: партизанские отряды, подпольщики, боевые группы и сочувствующие из числа местного населения — все получили предупреждение или получают в ближайшие двое суток. Задача выполнена, можем возвращаться в отряд.

— Может, хоть ночь отдохнем? Переночуем у моего дяди, а утром с новыми силами в путь? Ботинки без подошвы остались, и пятки в кровь, — пожаловался Иван.

— Нет, ждать нельзя. — Демитр приглушил голос, заметив, что из пивной вышли двое бородачей. — До Паволче нас довезет дед Петар. Для проверок мы — работники, нанятые для починки сарая. Дальше своим ходом.

— Хоть часть дороги проедем, — невесело проговорил Иван.

Через полчаса трое молодых людей подошли к телеге, запряженной гнедой лошадкой, хозяин которой поправлял инструмент, торчащий из ящика с гвоздями.

— Ну что, собрались? — обратился к ним старик.

— Собрались, дед Петар, — за всех ответил Демитр. — Долго ли нам? «Прощай» сказал, вот и все сборы.

— Тогда поехали. — Хозяин телеги, седой старик, призывно махнул рукой.

Парни расселись, свесив ноги с телеги.

— Па-а-шла! — прикрикнул Петар и стеганул кобылу вожжами.

Телега тронулась. Прохожие не обращали на нее внимания. Через три часа компания добралась до окраины Паволче, не встретив ни одного патруля. Здесь парни спешили, а телега продолжила свой путь.

Закатное солнце подсвечивало верхушки деревьев Врачанского леса. Он и был целью партизан. До опушки леса дошли быстрым шагом, оказавшись под укрытием деревьев, шаг сбавили. Напряжение нескольких дней отступило, и парни завели непринужденную беседу.

— В Софии млада жинки прекрасны! Идешь по городу и любиешься, — мечтательно закатив глаза, принялся разглагольствовать Иван. — В Варне тоже есть на кого глаз положить, но в Софии...

— Тебе бы только на жинок заглядываться, — беззлобно проворчал Никола. — И когда ты только остепенишься, Иван?

— Когда найду ту, которая в сердце западет, — не задумываясь, ответил Иван. — Вон, как у Демитра.

— На Станку намекаешь? — догадался Никола и бросил взгляд на смущенного откровен-

ным разговором Демитра. — Станка — жинка стоящая. А для отряда так и вовсе незаменимая. И парни на нее заглядываются.

— Вот-вот, и я о том же. Слышь, Демитр, ты так и будешь на Станку только взгляды бросать? Смотри, уведут девку из-под носа.

— Отстань, Иван. Нашел тему для шуток.

— Да кто шутит?

— Она мне нравится. Очень нравится. — Демитра вдруг потянуло на откровенность. — Жизнь за нее готов отдать! Только как к ней подступишься, когда за ней и правда весь партизанский отряд ухлестывает? На меня она и не посмотрит.

— Сделай так, чтобы посмотрела, — настаивал Иван. — Попытаться стоит.

— Что сделать? Не было бы войны, замуж бы позвал, а теперь...

— Почему бы и нет? Дело-то хорошее. А мы тебя сосватать можем. — По виду Демитра Никола понял, что пора разрядить обстановку, и перешел на шуточный тон.

— А что? Сыграем свадьбу в отряде. Можем тебе подарок дельный придумать, — поняв маневр Никола, подхватил Иван.

— Например, пулемет. Сейчас самое то, — добавил, смеясь, Никола.

— Мне «вальтера» хватает. Сунул в карман, и порядок. А если что, р-р-раз! — Демитр резким движением вытащил пистолет из кармана брюк.

В то же мгновение раздалась автоматная очередь. Никола застонал от боли и выругался. Все трое упали на землю. Иван повернул голову и увидел, что по штанине Николы расплзается кровавое пятно. Демитр двумя переворотами откатился в сторону. Следующая автоматная очередь срезала несколько веток с деревьев точно над его головой. Демитр осторожно приподнял голову, осмотрелся. Сквозь ветки кустов, метрах в восьмидесяти от того места, где лежал Демитр, просматривался мотоцикл. Правее него, за небольшим земляным холмом, поросшим травой, он заметил две немецкие каски. Прицелился, выпустил две пули. Каски скрылись.

— Немцы там, — прошептал Демитр, указывая направление.

— Видел, — ответил Иван.

Никола тихо стонал, держась обеими руками за простреленную ногу. Правее себя Демитр увидел дерево с довольно широким стволом и быстро пополз к нему. Сразу раздалась очередь, но Демитр успел скрыться за деревом. Несколько пуль попали в ствол на разной высоте, расщепив кору. Иван ответил двумя выстрелами из «нагана». Следующая очередь была в его направлении. Демитр выпустил три пули в немцев. Наступила тишина, которую нарушали лишь стоны Николы.

— Не трать патроны, все равно нам их не достать. — Иван с досады сплюнул. — Вот тебе

и хватает «вальтера». Пулемет бы нам сейчас точно пригодился.

— Никола, ты как? — Демитр проигнорировал высказывание Ивана.

— Кровь хлещет, рукой не остановить.

— Что будем делать? — спросил Иван.

— Пока не знаю, — ответил Демитр. — Укрыться вам нужно, слишком легкие мишени. Иван, кусты сзади видишь?

— Далековато. Чтобы Николу дотащить, подняться почти в полный рост придется, — оценив обстановку, ответил Иван.

— А ты не поднимайся. Попробуй ползком, — посоветовал Демитр. — Хватай его за ворот и перебирайтесь. Я прикрою.

— Иди один, — преодолевая боль, произнес Никола. — Незачем обоим погибать.

— Помолчи, — оборвал товарища Иван. — Лучше ответь: выдержишь?

Никола в знак согласия кивнул. Иван приподнялся на локтях, ухватил Николу за ворот рубахи и медленно потащил к кустам. Немец резко высунулся и дал очередь. Демитр пробежал метров тридцать, сокращая расстояние, и дважды выстрелил в сторону появившегося над пригорком немца. Тот издал шипящий звук и скрылся в траве. Демитр снова упал на землю и ползком вернулся к дереву. Опять наступила тишина.

— Черт, он мне в плечо попал, — забыв про осторожность, прокричал Иван.

— Сильно зацепило? — Демитр пытался взглянуть, что происходит за кустами.

— Рука действует. Похоже, пуля прошла на вылет. Кость цела, но болит зверски.

— Жить будешь, — больше для себя, чем для раненого друга, произнес Демитр. — Что с Николой?

Иван осмотрел друга. Тот лежал тихо, не шевелясь, лишь время от времени издавая едва слышный стон.

— Крови много потерял, а так вроде в норме, — сообщил он Демитру.

Так прошло несколько минут. Кроме стонов Николы, других звуков слышно не было.

— Хочу потихоньку немцев обойти. — Демитр обратился к Ивану. — Ты «наган» свой в руках удержишь?

— Если только левой рукой, — ответил тот.

— Не нравится мне эта тишина. Думаю, немцы что-то задумали.

— Иди, я отвлеку их, — предложил Иван.

Демитр осторожно пополз, обходя по кругу холм, за которым прятались немцы. Метров через тридцать он оказался в кустах, за которыми виднелась дорога. Он замер, прислушался. Тишина. Демитр выглянул из кустов, осмотрелся, за пригорком лежал немец, уткнувшись лицом в землю. Второго

нигде видно не было. Демитр перемахнул через дорогу, замер, осмотрелся. «Напарничек слинял, — сам для себя прокомментировал он. — А этот, похоже, готов». Демитр прошел между деревьями и оказался напротив мотоцикла, только на другой стороне дороги. Снова прислушался. Тишина. Немца ни в мотоцикле, ни за ним Демитр не увидел.

Несмотря на свою уверенность, что второго немца на месте уже нет, торопиться Демитр не стал. Соблюдая осторожность, подобрался к лежавшему немцу. Не выпуская из рук «вальтера», толкнул его в плечо. Никакой реакции — немец оказался мертв. Демитр приподнял его за ворот. Точно по центру лба увидел рану от пули. «Хорошая работа, — похвалил он сам себя. — Хотя лучше было обойтись без боя». Больше не таясь, он поднялся в полный рост. Стянул с плеча немца автомат, из подсумка забрал магазины с патронами. Пошарил в люльке, отыскал походную аптечку.

Пора возвращаться, решил Демитр и начал обходить мотоцикл. Нога наступила на что-то твердое. Демитр замер и опустил глаза вниз. От сердца сразу отлегло: в траве лежали аккуратно разложенные инструменты для починки мотоцикла. «Так вот оно что! Поломка», — догадался Демитр. Он отбросил носком ботинка гаечный ключ и пошел обратно. Услышав звук приближающихся шагов, Иван выглянул из кустов.

— Что там? — спросил он.

— Все в порядке. Угрозы больше нет. — Демитр сбросил автомат на землю, склонился над Николой. — Как ты, дружище?

— Терпимо, — еле слышно ответил Никола.

— Рану перевежем, полегче станет. Тут еще кое-что для таких случаев имеется. — Демитр достал из аптечки пузырек с обезболивающим.

— Где немцы? — Иван повторил вопрос.

— Один убит, второй, похоже, сбежал, — ответил Демитр.

— Уверен, что сбежал? Может, притаился? Ждет подходящего момента.

— Кусты обшарил, дальше не пошел. Забудь о них, лучше помоги с Николой, — оборвал товарища Демитр. — Рану нужно перевязать, он и так потерял слишком много крови.

— Не понимаю, что им здесь было нужно? — с возмущением произнес Иван, помогая Демитру освободить ногу Николы из штанины. — Раньше они сюда не совались. Слишком далеко от цивилизации. Думаешь, за нами шли?

— Уверен, что нет. У них мотоцикл сломался. На обочине дороги ключи разложены. Они его чинили и слышали наш разговор, — ответил Демитр.

Он перевязал разбитое пулей колено Николы, после чего повернулся к Ивану.

— Теперь твоя очередь. Подставляй плечо, я посмотрю, что можно сделать.

— Плечо подождет. Нужно уходить. Думаю, сбежавший немец вскоре приведет сюда либо своих, либо жандармов, — произнес Иван.

— Не паникуй, Иван, успеем. Без перевязки ты долго не протянешь, а останавливаться, чтобы тебя залатать, у нас точно времени не будет. — Демитр решительно усадил Ивана на траву, рванул на плече рубашку, освобождая доступ к ране.

— Я серьезно, Демитр! — взволнованно заговорил Иван. — У Николы всего одна нога, чем быстрее мы отсюда уберемся, тем больше у нас шансов живыми в отряд попасть. Проклятье! Нам теперь в отряд нельзя! Приведем за собой хвост, всех погубим.

— Ты замолчишь или нет? — вскипел Демитр. — Давай сюда плечо и прекрати панику разводить.

— Он дело говорит. Немцы могут вернуться в любой момент. На мотоциклах, с собаками, — вступил в спор Никола. — Я для вас обуза. Оставьте меня здесь, вон в том овражке. Если повезет — ночи дождусь, отлежусь, а там видно будет.

— Нет, тебя мы не оставим! — Иван сжал руку друга. — И как только такое в голову могло прийти! Скажи: ты бы меня оставил? Или Демитра? Бросил бы на произвол судьбы?

— Если бы от этого зависел успех задания, может, и бросил бы, — подумав, ответил Нико-

ла. — Наша главная задача прийти в отряд и доложить о выполнении поручения. Чтобы командир точно знал, как обстоят дела.

— Тогда я с тобой останусь! — заявил Иван. — Демитру одному гораздо легче будет до отряда добраться. А мы с тобой до Паволче доберемся, там у кого-нибудь время переждем, пока раны не заживут.

— Отставить самодеятельность! — Голос Демитра посуловел. — Никого мы бросать не будем. Вместе в отряд пойдем. Чтобы нас не нашли по следам, придется идти другим путем. Спустимся к ручью, с километр пройдем по нему, а затем в обратный путь и к отряду. У тебя, Никола, сил хватит, я уверен. Мы с Иваном поможем. И больше никаких разговоров. Забыли нашу клятву? Или она для вас пустой звук? Забава?

Голос Демитра возвысился, в глазах полыхало пламя. Иван перевел взгляд с Демитра на Николу. Тот неотрывно смотрел на Демитра, в его глазах сверкал тот же огонь. Он не забыл, как не забыл никто из троих друзей. И слова клятвы, которую они дали несколько лет назад, в день, когда чудом избежали немецкого плена. Тогда они находились почти в таком же лесу, все трое были на волосок от смерти, и для каждого из них слова клятвы значили больше, чем собственная жизнь.

— «Никогда не сдаваться, клянусь! Биться до последнего патрона, до последней капли крови!

Уничтожать врагов без жалости, без страха за свою жизнь, клянусь!» — Голос Николы звенел, возвышался, достигая макушек деревьев.

— «Клянусь! Своих не бросать. Как бы трудно ни было, не оставлять своих врагам. Ползком, во локотом, но вместе. До последнего дня, до последнего вздоха. Клянусь!» — Иван подхватил слова клятвы. Расправив плечи, забыв о боли и о ране, он повторял слова клятвы, данной друзьями в минуту крайней опасности.

— Так-то лучше, — сказал Демитр. — А теперь, Иван, подставляй здоровое плечо, будем выбираться отсюда.

Они подняли Николу, положили его руки себе на плечи и, изменив первоначальное направление, двинулись в путь. Только к утру, падая от усталости, они добрались до расположения партизанского отряда.

* * *

— Демитр Богомилов, тебя к командиру отряда. — Радист партизанского отряда, Анастас, появился будто из ниоткуда. Демитр только что сдал своих друзей в лазарет и присел, перевести дух.

— Понял. Иду. — С трудом поднявшись, Демитр зашагал к навесу из брезента, где обычно принимал бойцов командир отряда.

На этот раз под навесом собрался весь командный состав: Цоло Крыстев, командир пар-

тизанского отряда; Иван Тодоров-Горуня, политкомиссар; Цвятко Анев, главный советник командира по сложным делам. Они сидели за самодельным столом из грубо обработанных досок. В центре стола лежала карта местности.

— Демитр Богомилов по вашему приказанию...

— Докладывай, — оборвав официальное обращение, приказал командир.

— Приказ выполнен. Все донесения, устно и письменно, переданы связным партизанских отрядов, ятакам и боевым группам БКП. В юго-восточный сектор пройти не удалось, но местные знают особые тропы, так что и туда информация должна дойти в срок, — отчеканил Демитр. — Во время передачи донесений происшествий не случилось. При возвращении в отряд на лесной дороге наткнулись на немцев. В перестрелке Никола Герасимов получил ранение в ногу, Иван Методиев — ранение в плечо.

— Что с немцами?

— Один убит, второй скрылся, — ответил Демитр. — Оружие и патроны убитого немца доставлены в отряд.

— Что они забыли на этой дороге? — Вопрос задал Цвятко Анев.

— Простая случайность, товарищ командир. — Демитр обращался не к тому, кто задал вопрос, а к своему командиру, Цоло Крыстеву. —

У немцев вышло из строя транспортное средство, поэтому они вынуждены были остановиться для исправления поломки.

— Под раздачу попали, значит? — Анев недовольно поморщился, от него не ускользнул тот факт, что гонец не посчитал нужным обратиться к нему. По какой-то причине Демитр Богомилов недолюбливал Анева, и тот это чувствовал.

— С донесениями вы справились, а вот с немцами некрасиво вышло. Старшим группы был назначен ты, Богомилов, значит, и за последствия отвечать тебе. Сам знаешь, насколько сложная сейчас ситуация. А ты расслабился. Расслабляться рано, боец, выполнение задания не прогулка по скверу, — недовольно бросил политкомиссар.

— Виноват, товарищ политкомиссар. — Демитр опустил голову.

— Ладно, иди. Сутки отсыпного тебе не помешают, — Крыстев махнул рукой, отпуская бойца.

Демитр козырнул, развернулся и ушел. Дождавшись, когда Демитр отойдет, командир заговорил вновь:

— Напрасно ты так, Цвятко. Богомилов парень стоящий, а проколы у всех бывают.

— Я так не считаю. Сегодня он засаду не заметил, а завтра жандармам на карте местонахождение отряда нарисует. — Анев брезгливо поморщился. — Этот Богомилов всегда был себе на уме.

И дружки его, кстати, тоже доверия не вызывают. Вон и Иван Горуня со мной согласен, а его сложно провести.

— Тут ты не угадал, — в разговор вступил Горуня. — Лично я считаю, что на таких, как Богомилов и его команда, стоит наша партия. Если бы мне предстояло выбирать, кому доверить свою жизнь, я бы, не задумываясь, выбрал Богомилова.

— Вот как? Почему же ты меня поддержал? — На лице Анева отразилось удивление.

— Никакой поддержки. Бойцу нужно было поставить на вид его промах, что я и сделал. И хватит об этом. — Тодоров-Горуня припечатал ладонь к столу, поставив таким образом точку в разговоре. — Надеюсь, Богомилов прав, и немцы им встретились случайно.

— Думаешь, информация о том, что Болгарская коммунистическая партия готовит встречу для принятия декларации, просочилась к нацистам? — Вопрос задал Цоло Крыстев.

— Вполне возможно. Тогда хорошего не жди. Вспомните, что в январе этого года правительственные войска устроили в районе Видина. Пехотная дивизия болгарской армии совместно с полицией уничтожила все партизанские отряды в этом районе. А началось все с инцидента вроде нашего.

— Если и так, тут уж ничего не поделаешь. Мы в любом случае должны быть готовы. Вся

«Народно-освободительная повстанческая армия», все двенадцать оперативных партизанских зон. Для того отряд Богомилова на задание и отправляли. Работа Отечественного фронта вошла в решающую стадию. Программа Отечественного фронта, а именно: разрыв союзнических отношений с Третьим рейхом; дружба и сотрудничество с СССР; свержение лояльной политике Гитлера власти и формирование правительства, пользующегося доверием народа Болгарии, — вот наша цель. Назначение даты непосредственной подготовки к вооруженному народному восстанию и свержению правительства — лишь вопрос времени. Что бы ни задумали немцы, им нас уже не остановить. Так что забудем об инциденте и займемся решением более насущных вопросов. — Цоло Крыстев придвинул карту местности, и все трое склонились над ней.

После доклада Демир Богмилов не пошел отдыхать, а отправился обратно в лазарет. Он шел и думал о том, что политкомиссар не напрасно его отчитывал. «Он прав. Я был старшим в группе, но вместо того чтобы напомнить всем про осторожность, сам повел себя как ребенок. Не начни я размахивать «вальтером», может, немцы и не открыли бы огонь. А теперь что? Оба моих товарища получили ранения, и все из-за моей неосторожности. Нет, комиссар прав, от-

ветственность за их жизни на мне и только на мне». Демитр так глубоко ушел в свои мысли, что не заметил, как наскочил на Станку.

— Осторожнее, бугай! Свалить меня надумал? — полушутя-полусерьезно произнесла девушка, хватая Демитра за рукав.

— Прости, Станка! — Демитр смутился, но руку девушки не отпустил. — Задумался я.

— Ладно, ты меня прости, — усмехнулась Станка. — Говорят, вы всю ночь до отряда добирались. Устал, наверное, а я тут со своими претензиями. Ты хоть немного поспал?

— Успею еще поспать. — Демитр приободрился. — К ребятам хотел зайти. Как они?

— Доктор Стефанов еще оперирует, — как только речь зашла о пациентах, Станка посерьезнела. — У Ивана ранение сквозное, рану обработали, перебинтовали. Организм молодой, крепкий. Он выдержит. Сейчас он спит, храп стоит на всю палатку.

— А Никола? — По тону девушки Демитр понял, что его ждут не слишком хорошие новости.

— У него ситуация сложнее. Пуля раздробила коленную чашечку. Здесь, в полевых условиях, у доктора Стефанова нет возможности провести полноценную операцию. Но он делает все возможное.

— Что это значит «все возможное»? Никола останется без ноги?

— Нет, конечно. Но, скорее всего, будет ходить до конца жизни с палочкой. — Станка решила, что правду Демитр воспримет лучше, чем недомолвки. — Это еще не точно, но, думаю, готовиться нужно к худшему.

— Ясно. К нему можно?

— Нет, сейчас его лучше не волновать.

— Скажешь, когда будет можно? Хочу пободрить.

— Я передам ему, что ты приходил. — Станка одарила Демитра улыбкой и скрылась за брезентовым пологом, служившим дверью для лазарета.

Демитр пошел в землянку, залез на второй ярус деревянной кровати и улегся. «Станка — прекрасная девушка. Смотрю на нее, и сердце из груди выскакивает. А какая у нее улыбка! Если бы не война, давно бы подошел к ней и во всем признался, — думал Демитр, глядя в бревенчатый потолок. — Но сейчас нельзя. Три дня назад, когда мы выходили из отряда, все были бодры и здоровы. А теперь что? Доктор сказал, что ранение Николы очень серьезное. Теперь он будет хромать. А если вообще ногу отрежут? А если что-то случится со мной, зачем я ей буду нужен? Не хочу портить Станке жизнь. Девушке и так досталось: жандармы забрали ее родителей за помощь партизанам. Не думаю, что они выйдут из тюрьмы живыми. Знаю, как она за них переживает. Ни к чему добавлять ей переживаний еще

и за меня. Вот когда выкинем немцев из страны, и не просто выкинем, а разворотим все их логово, чтобы они больше никогда не посягали на нашу Родину, когда наступит мирная жизнь, тогда можно и о чувствах подумать. Люди будут жить и радоваться каждому дню. Тогда придет и наше со Станкой время. Посплю, потом пойду проведать Николу с Иваном, и снова увижу ее...» Демитр повернулся на бок, закрыл глаза и ненадолго задремал.

О мечтах и сомнениях Демитра Станка не подозревала. Она стояла возле кровати Николы и молча смотрела на его осунувшееся лицо. Только что у нее состоялся разговор с доктором и прогноз, который он дал до начала операции, подтвердился. Никола Герасимов, молодой человек, которого впереди ждала целая жизнь, теперь будет вынужден отказаться от всех привычных занятий. Он на всю жизнь останется хромым. А ей, Станке, предстоит сообщить ему это неприятное известие. Сомнений быть не могло. До того как попасть в партизанский отряд, Димо Стефанов работал ведущим хирургом отделения травматологии больницы города Враца. Он был хирургом от Бога, специалистом, к которому записывались на прием на год вперед. К нему привозили пациентов из Софии, Пловдива и Варны. Все ведущие больницы Болгарии мечтали заполучить его к себе, но он оставался верен родной Враце,

с улыбкой заявляя, что маленьким городам тоже нужны хорошие хирурги. Станка была уверена, что доктор Стефанов сделал все, что было в его силах, чтобы сохранить Николе ногу, но и он не способен на чудеса. Раздробленную коленную чашечку не склеишь из осколков.

— Почему ты плачешь?

Голос Николы, лежащего на топчане, вывел Станку из задумчивости. Она и не заметила, что по щекам текут слезы.

— Очнулся? Хороший знак. — Станка быстро смахнула слезы со щек. — Как самочувствие? Не тошнит? Голова не болит, не кружится?

— Все в порядке. — Никола внимательно смотрел на девушку.

— Вот и отлично. Сейчас тебе нужно поспать, но сначала пару глотков воды. Наверняка в горле пересохло. — Станка потянулась за кружкой, стоявшей на трехногом самодельном табурете, но Никола слабым движением руки остановил ее.

— Все настолько плохо? — негромко спросил он.

Станка не ответила, она отвела глаза, не в силах выдержать пронизательного взгляда Николы. Тот продолжал удерживать руку Станки.

— Не нужно бояться смотреть на меня, — произнес он. — Я в любом случае узнаю, так что скрывать бессмысленно.

— Доктор Стефанов сделал все, что смог. — Собравшись с силами, Станка посмотрела прямо в глаза Николы. — Коленную чашечку собрать удалось только частично. Полностью кость восстановиться не сможет.

— Я смогу ходить или нет?

— Да, но только с поддержкой. Нужна будет...

— Ключка, я понял, — договорил за Станку Никола. — Это ничего, ерунда. Сделаю себе посох. Главное — жить буду, ходить буду. Все хорошо. Я ведь мог погибнуть там, в лесу. Если бы не мои друзья, если бы не Демитр, в лесу бы и остался. Это он заставил меня подняться, тащил на себе всю дорогу, когда уже и Иван еле ноги передвигал, он взвалил меня себе на плечи и нес через весь лес, по всем горам. Могучий человек! Человечище!

— Демитр? Вот как? Я не знала. — Станка задумчиво улыбнулась.

— Догадалась, да? Знаешь, что он в тебя влюблен? — Никола прочитал смущение на лице девушки. — Да ты не смущайся, дело житейское. Только вот что я тебе скажу: не упусти свое счастье, жинка! Демитр за тебя жизнь отдаст, и не только на войне. Держись за него, Станка, лучшего мужа тебе не найти!

Совершенно смущенная Станка выскочила из палатки. «Влюблен! Неужели правда влюблен? — Мысли лихорадочно метались в ее голо-

ве. — А что, если Никола ошибся? Мало ли что ему померещилось? Или нет? Вдруг и правда влюблен? Как же узнать? Не идти же напролом, не пытаться его?» Станка не заметила, как дошла до границы палаточного лагеря партизанского отряда. Она остановилась у поваленного дерева и в задумчивости смотрела вперед. Вдруг взгляд ее привлекла фигура. Чуть в стороне, опершись спиной на ствол дерева, сидел мужчина. Он оглянулся, и Станка узнала его. Это был Демитр.

— Станка? Ты как здесь оказалась? — Демитр встал и быстрым шагом приблизился к девушке.

— А ты? — вырвался у Станки вопрос.

— Мне не спалось. Все думал о друзьях, о Николе, об Иване, — признался Демитр. — Вот решил прогуляться.

Станка смотрела на него, а в голове крутились слова Николы. Как назойливые мухи, они кружили и кружили, не давая сосредоточиться на чем-то определенном.

— Станка, что с тобой? — Демитр встревожился. — Ты вся горишь!

— Это правда? — Станка отчаянно качнула головой. — Это правда, Демитр?

— Что правда?

— Любишь меня?

Демитр замер, в изумлении глядя на девушку.

— Как? Как догадалась?

— Значит, правда?

— Да! Люблю больше жизни, больше солнца, больше воздуха, — начав говорить, Демитр уже не мог остановиться. — Ради тебя я готов на все!

— Значит, вместе? Вместе навсегда? — Станка затаила дыхание в ожидании ответа.

— Вместе навсегда, — как клятву повторил Демитр.

Станка бросилась в его объятия, чтобы больше никогда их не покидать.

ГЛАВА 2

Греция, Афины, октябрь 1964 года

Городок Кифисия, северный пригород Афин, тихий уютный уголок Греции — идеальное место для тех, кто не терпит суеты. И в то же время до столицы рукой подать. Возникло желание приобщиться к культурному наследию греков, посетить места Сократа и Аристотеля, Софокла и Эсхила, садись на автобус, и через час ты на месте. Можешь изучить тайны Акрополя, посетить Башню Ветров. Можешь любоваться на холм Ликавитос, прогуливаться по городской площади или взобраться на Ареопаг и представлять себя вершителем судеб простых смертных. В Афинах ты можешь многое, а представить себе можешь почти все... Если, конечно, тебя привлекают сила и власть.

Худощавого мужчину средних лет с заметной сединой на коротко остриженных висках больше привлекали тишина и покой. Он сидел в уличном кафе на площади Платанос и рассеянным взглядом следил за немногочисленными прохожими. В руках он держал чашку горячего кофе, но за все время так и не притронулся к напитку.

Октябрь в этом году выдался на удивление прохладным для Кифисии. В обычный год в это время жители городка еще всюю наслаждались теплым солнцем, но в этот год им пришлось достать теплые свитера и пальто уже в середине месяца. Температура воздуха упала минимум на десять градусов против привычных двадцати пяти — двадцати трех, что не способствовало продолжительным прогулкам. Мужчина в кафе тоже облачился в длинный серый плащ, шляпу и перчатки он снял и небрежно бросил на свободный стул, и все же, казалось, погода его не смущает.

— Господину не нравится напиток? — К столу седоватого мужчины приблизился хозяин кафе.

— Нет, все прекрасно. — Мужчина улыбнулся и сделал небольшой глоток. — Просто хотел продлить удовольствие.

— Позвольте сменить чашку, ваш напиток давно остыл. — Хозяин вежливо, но настойчиво высвободил из рук посетителя чашку. — О, ваши руки превратились в лед. Это следует исправить.

Он быстро удалился, а через несколько минут вернулся с высоким стаканом, наполненным жидкостью гранатового цвета.

— Этот напиток подойдет больше, — сообщил он посетителю. — Теплое вино согреет лучше кофе.

— Большое спасибо, — искренне поблагодарил мужчина. Он приветственным жестом поднял стакан и сделал большой глоток. — Ваше здоровье!

Гранатового цвета жидкость приятным теплом потекла по гортани. Мужчина закрыл глаза от удовольствия.

— Божественно! — произнес он и открыл глаза. Хозяин исчез, а на столе, в самом центре, лежала сложенная вчетверо газета. Мужчина огляделся. Поблизости никого не было. Тогда он отставил стакан, придвинул газету, раскрыл и тут же закрыл ее. Снова глянул по сторонам. Сунув газету в карман плаща, он встал, надел шляпу и перчатки, взял трость и зашагал прочь от кафе. На лице его читалось беспокойство, смешанное с облегчением. При ходьбе он заметно припадал на левую ногу.

Пройдя два квартала, он свернул на боковую улочку и вошел в неприметный одноэтажный домик, больше похожий на сарай. Не снимая плаща, прошел в дальнюю комнату. Там, за массивным полированным столом, сидел мужчина. Заслышав шаги, он повернулся к дверям

и теперь с удивлением смотрел на взволнованное лицо друга.

— Что с тобой, Ник? Прогулка не удалась? — спросил он.

— Началось, — выдохнул вошедший.

— О чем ты?

— Началось, Иван. То, чего я ждал, чего мы ждали. — Тот, кого называли Ник, устало опустился на свободный стул.

— Ты уверен? Возможно, у тебя разыгралось воображение, Ник, — начал Иван, но договорить не успел. Ник пошарил в кармане, достал газету и бросил Ивану на колени. Не долетев до цели, газета упала на пол. Из нее выскользнул листок и плавно приземлился возле ног Ивана.

— Подними, — потребовал Ник. — И прекрати уже называть меня этой дурацкой кличкой. Здесь мы одни.

Иван, как замороженный, протянул руку и поднял прямоугольный листок. Поднес ближе к свету, прочел. Лицо мгновенно изменилось: кровь отлила, взгляд посуровел. Он поднял глаза на друга.

— Как скажем Демитру? — переходя с греческого языка на родной болгарский, спросил Иван.

— Не знаю, — ответил тот. — Не знаю.

В комнате на долгих десять минут воцарилась тишина. Каждый думал о своем, и все же оба думали об одном и том же, но высказать мыс-

ли вслух ни один не решался. Первым заговорил Ник.

— Где он сейчас?

— На смене, разумеется.

— Хорошо. Есть время подготовиться. — Ник прошел в прихожую, шляпу и перчатки положил на полку, рядом повесил плащ.

— Не думаю, — в ответ на слова друга произнес Иван. — Вспомни, сколько времени у нас было. Десять лет. И разве их хватило? Не думаю, что это хорошая идея, Никола.

— Без него ничего не выйдет, ты же знаешь. — Никола вернулся в комнату, встал к окну, опершись о стену. — Таково было условие.

— Знаю. И все же не думаю, что он даст согласие.

— Значит, придется его переубедить.

— Нам десяти лет не хватило, — начал Иван. — За два дня его не переубедить.

— У нас есть неделя. Думаю, тебе стоит обдумать речь.

— Почему мне? Услышав из твоих уст план, он гораздо охотнее его примет. В конце концов, он обязан тебе жизнью. — Последнюю фразу Иван произнес с нажимом.

— Это я обязан ему жизнью, а он... Он никому ничем не обязан.

— Ты не прав. Уверен, он считает иначе. Вспомни, что ты сделал для него в пятьдесят

третьем! Что ты сделал для нас обоих. — Иван схватил друга за руку. — Тогда ты спас нас. По-разному, но спас. Или ты забыл?

— Ничего я не забыл. — Никола вырвал руку. — Ты преувеличиваешь, я просто сделал то, что должен был сделать. То, что на моем месте сделал бы любой из вас.

— И снова ты не прав. Я не сделал, я трусливо бежал. — Иван разгорячился, он пытался поймать взгляд друга. — Бросил и тебя, и Демитра. Да! Я струсил, но больше такого не повторится. Теперь я не струшу, клянусь! Ты мне веришь, Никола? Веришь?

— Верю, Иван. — Никола притянул друга, прижал к груди. — Я всегда в тебя верил. Даже тогда, в пятьдесят третьем. И то, что ты называешь трусостью, была лишь минутная слабость. В конечном итоге именно она спасла жизнь нам троим.

Никола закрыл глаза, и перед его мысленным взором вновь возникла картина того времени. Он в доме дяди Ивана там, в Болгарии. Сидит на мягком диване, в руке стакан с домашней наливкой. Он думает о том, как велико разочарование. Почему? Когда жизнь повернулась к нему нелицеприятной стороной? За что? Где он просчитался, когда свернул не туда? Мир, его привычный мир, летит в тартарары, а он, боец по натуре, может

только сидеть и хлебать горькую настойку. Когда ситуация изменилась и почему все пошло не так?

Седьмого сентября 1944 года советские войска вошли в Болгарию, спустя три дня болгарские армейские подразделения совместно с партизанами совершили государственный переворот. То, ради чего он, Никола, его друзья и соратники по партизанскому движению бились с фашизмом на протяжении нескольких лет — свершилось. Министерство обороны, Министерство внутренних дел, почта, телеграф, радио — все отошло в руки тех, кто сражался против монархии. Народ, простые граждане Болгарии, встретили известие криками «ура!». Подавляющее большинство жителей городов и деревень поддерживали идею создания Народной Республики Болгария. Референдум, проведенный в 1946 году, это подтвердил. За свержение монархии проголосовали больше девяноста процентов голосующих. Мечта народа сбылась, он получил власть. Казалось, живи и радуйся!

Но страна пошла не по тому пути, по какому предполагалось. Каким-то образом новое правительство сумело извратить привычные взгляды на народное правление. Начались гонения, репрессии, уничтожение недовольных и инакомыслящих. Не сразу, нет, а постепенно, и от этого более страшно и неожиданно. Пока у власти стоял первый премьер-министр Георгий Димитров, ста-

рый коммунист, активный подпольщик и руководитель партизанского движения, дела в государстве шли более-менее гладко. Или казались таковыми. Но после его смерти в 1949 году, при новом премьер-судебные процессы захлестнули Болгарию. Приговор «смертная казнь» теперь считался обычным делом. Те, кому назначали пожизненный срок, считались счастливыми. И все это происходило на фоне создания социалистического государства. А потом пришла коллективизация...

В Болгарии снова появились вооруженные отряды, так называемые «четы». Люди, не согласные с политикой правящей партии, начали объединяться, провоцируя новое вооруженное противостояние. А как иначе, если у людей попросту не осталось работы, чтобы прокормить семью. Все на благо Родины, так им твердили, но видели они совсем иное. Он, Никола, видит всю несправедливость ситуации, но ничего не предпринимает. Он даже в «четы» не вступил. Сидит на диване и просто жалеет себя. Все они, Демитр, Иван, соратники по боевому отряду, сидят и ничего не делают. Они сдались, опустили руки, отупели от горя потерь, оцепенели от страха. Он, Никола, оцепенел от страха. Вот и Иван, который стоит перед ним, тоже охвачен страхом, хоть и пытается его скрыть. Молодой, горячий, самоуверенный. Он сверкает глазами и говорит, говорит, говорит...

Нет, он не призывает вступить в борьбу с властью, не выкрикивает лозунги против нее. Он пытается спасти свое. Привязанность к деньгам одержала верх. Его дядя еще год назад сбежал из страны и переехал в Грецию. Туда, где тепло и уютно. При условии, что у тебя есть деньги, конечно. А деньги у дяди Ивана были. Как всегда, он успел подсуетиться, вывезти капитал в безопасное место. Теперь и Иван продвигает ту же политику. И его, Николу, подбивает на то же.

— Надо убираться отсюда, Никола! Пловдив больше не безопасен. Ты знаешь это не хуже меня. Здесь нам ничего не светит. Посмотри вокруг! Вспомни Младена Колеева, сколько он сделал для того, чтобы не допустить процветания фашизма. И где он теперь? Расстрелян на центральной площади как враг народа! Асен Георгиев, наш соратник, командир лучшей разведгруппы, знаешь ты, как с ним обошлись? Разорвали лошаадьми на глазах у семьи! Или напомнить тебе о том, что стало со Стойко Русевым?

— Прекрати! — почти закричал Никола. — Прекрати, немедленно!

— Почему? Хочешь и дальше продолжать закрывать глаза на правду? — Иван тоже стал кричать. — Все, Никола, наша эпоха подошла к концу. Надо сделать правильный выбор!

— Что ты предлагаешь? — Никола сбавил тон.

— Надо уезжать. У моего дяди есть связи в Греции. Переправиться туда еще есть возможность. И для тебя, и для меня, и для Демитра.

— Даже если и я соглашусь, Демитр — никогда.

— Заставь его. Ты можешь!

— Как?

— Не знаю, придумай! — стал горячиться Иван.

— После Станки? Нет, это невозможно. Он уже ищет выходы на «четы», и, будь уверен, он их найдет.

— Тем более мы обязаны его спасти! Здесь он погубит себя. Ты же понимаешь, он ищет смерти.

— Пусть так. Я его не брошу.

— Ну и плевать! Плевать на вас! Я не идиот, чтобы оставаться здесь. Имей в виду, с вами или без вас, но послезавтра меня здесь уже не будет! Это последнее предложение, Никола. Я не шучу.

— Что ж, ты высказался вполне определенно. Прощай, Иван. Надеюсь, твое богатство принесет тебе счастье.

Никола встал, не спеша поставил стакан на столик возле дивана и, не глядя на друга, вышел. После тяжелого разговора домой идти не хотелось. Мысли крутились вокруг событий последней недели. В начале апреля правительство объявило о вынужденных увольнениях на табачных фабриках. Табачное производство обеспечивало

работой, а следовательно, и средствами к существованию, чуть не половину Пловдива. И вот теперь люди узнали, что их работа висит на волоске. Это сообщение явилось последней каплей в чаше терпения. До этого люди еще как-то терпели и контроль над работой профсоюзов, и усилившееся преследование профсоюзных активистов, и ухудшение материального положения, но увольнения? Нет, этого они терпеть не желали.

Люди вышли на улицы, забастовочное движение охватило большую часть города. За какой-то месяц ситуация окончательно вышла из-под контроля. Поначалу забастовщики предъявляли лишь экономические требования: восстановить льготы, обеспечить табачников работой, вернуть пятидневную рабочую неделю. Но потом требования получили политическую окраску, а сама забастовка разрасталась как снежный ком. К четвертому мая, когда на бульвар Руски прибыла партийно-правительственная делегация для разрешения конфликта, там собралось больше двадцати тысяч недовольных. Конечно, ничем хорошим конфликт закончиться не мог. Как для Пловдива в целом, так и для отдельных его жителей. Таких, как Станка...

Никола шагал по улицам Пловдива, не задумываясь о том, куда идет. Ноги сами привели к дому Демитра. Постояв пару минут во дворе,

он все же решился зайти. Демитр оказался дома. Открыв дверь, впустил друга. Никола прошел на кухню, огляделся. Стерильная чистота подсказала: Демитр сюда даже не заходил.

— Что ты ел сегодня? — войдя в комнату, в которой обосновался друг, спросил Никола.

— Прекрати, — вяло произнес Демитр. — Не нужно изображать из себя няньку.

— Так и будешь сидеть на кровати и жалеть себя?

— Я не просто сижу, я жду. — Демитр на друга даже не взглянул.

— Ждешь чего?

— Ответа.

— Думаешь, мой ответ тебе поможет? Думаешь, станет легче? — Никола присел на кровать. — Это не выход, Демитр.

— У меня есть одна мысль, — вдруг признался Демитр. — Только нужно ее хорошенько продумать. Подобраться к ним не так просто, но я сумею.

— К кому подобраться? Что ты задумал? — Никола насторожился.

— К тем, кто виновен в беспорядках. К тем, кто позволил совершиться беспределу, кто способствовал развалу табачной промышленности в нашем городе. Знаешь, у меня было время, чтобы изучить требования забастовщиков. Теперь я даже жалею, что не входил в их число. Как знать,